

ЮСУПОВ АЙРАТ ФАИКОВИЧ

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ СУФИЙСКОГО ПОЭТА I ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА ШАМСЕТДИНА ЗАКИ**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2004

Работа выполнена на кафедре методики преподавания татарского языка и литературы
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Юсупов Феритс Юсупович**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Ганиев Фуат Ашрафович**

кандидат филологических наук
Халиуллина Альфия Рифкатовна

Ведущая организация: Казанский государственный
педагогический университет

Защита диссертации состоится 16 сентября 2004 г. в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «   » августа 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Загидуллина Д.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Характерной чертой современного языкознания является повышенный интерес ученых к проблемам изучения истории татарского литературного языка на основе исследования языковых особенностей творчества отдельных писателей и определения их роли в развитии национального языка. В этом отношении несомненный интерес представляет поэтическое наследство суфийского поэта первой половины XIX в. Шамсетдина Заки. Мы остановили свой выбор именно на анализе произведений Ш.Заки в первую очередь потому, что поэзия Ш.Заки с точки зрения грамматических, в частности, морфологических особенностей, в силу идеологических причин совершенно не исследована, хотя и представляет огромный научный интерес в плане изучения проблемы становления и развития татарского литературного языка.

Во-вторых, актуальность исследования с точки зрения тюрко-татарского языкознания заключается «в отсутствии целостного систематического анализа истории какого-либо литературного языка».¹

В-третьих, язык Ш.Заки – представителя суфийского направления в литературе отличается необычайной образностью и экспрессивностью, разнообразием морфологических средств, использованных в целях стилистической дифференциации.

В-четвертых, вторая половина XIX - начало XX века является сложным периодом в развитии литературного языка, «так как он был переходным этапом от старотатарского тюрки к новотатарскому национальному литературному языку».² Как известно, поволжское тюрки своими корнями непосредственно восходит литературному языку Золотой Орды и Мамлюкского Египта XIII-XIV вв. Традиционная часть данного языка была унаследованной, и она представлена преимущественно уйгуро-караханидской и в меньшей степени

---

¹ Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных тюркских языков / Э.Р.Тенишев // Советская тюркология. — 1988. — № 1. — С. 77.

² Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. / Ф.С.Фасеев. — Казань: Тат. кн. издат., 1982. — С. 164.

огузской традицией. Этот период развития литературного языка характеризуется также увеличением удельного веса арабских и персидских заимствований.¹

Данная работа представляет собой опыт системного описания морфологических особенностей языка определенного автора – Ш.Заки, как яркого продукта эпохи, и его роли в развитии татарского литературного языка.

Неизученность языковых особенностей поэзии Ш.Заки, в частности, необходимость описания потенциальных возможностей морфологических единиц, определяет **актуальность** нашего исследования с научно-теоретической и практической точек зрения.

Состояние изученности темы и проблемы. В истории татарской литературы фрагментарное изучение творчества поэта-суфия Ш.Заки началось уже в I половине XIX века. Первые сведения о нем оставили Ш.Марджани и Р.Фахрутдинов, который сравнивает Ш.Заки с арабским поэтом аль-Маари² и «Физули - поэтом всего Урало-Поволжья».³ В начале XX века в изучение творчества поэта-суфия внесли определенный вклад литературоведы Морад Рамзи, Дж.Валиди, Гата Исхакий, Г.Рахим и Г.Газиз, Г.Сагди⁴ и др.

В 1966 году М.Усманов⁵ находит рукопись Ш.Заки, составленную Зиннатуллой Мухамметрахими,⁶ которая была исследована и опубликована в виде отдельной книги Х.Ю.Миннегуловым и Ш.А.Садретдиновым.⁷

В истории татарской литературы последнего времени творчество поэта рассматривается на фоне суфийской литературы и с позиции философии

¹ Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.) / Ф.М.Хисамова. — Казань: Мастер Лайн, 1999. — С. 29-36.

² Фәхрәтдинов Р. Асаръ. 13 кълъзъ. 2 нче килд. / Р.Фәхрәтдинов. — Оренбург, 1907. — Б. 420-421.

³ Фәхрәтдинов Р. Фълънъли / Р.Фәхрәтдинов // Шура. — №11. — Б. 452.

⁴ Рәмзи Морад. Тһлфикыл һәмһр вһ тһлкыйхел асар фи вакаиғы Казан вһ Болгар вһ мльһльһт татар. 2-нче кишк / М.Рәмзи. — Оренбург: Матбагати Кһримия вһ Хьльһения, 1908. — Б. 468-469.; Вһлиди К. Татар һдһбиятыһ барышы / К.Вһлиди. — Оренбург: Вақыт матбагасы, 1912. — Б. 114-122.; Исхакий Г. Тдһбият юллары / Г.Исхакий. — Казань: 6-ая гос. тип-я, 1920. — Б. 99-100.; Рһхим Г. Татар һдһбияты тарихы / Г.Гһхим, Г.Газиз. — Казан: Татарстан матбугат цһм нһшрият комбинаты нһшр., 1925. — Б. 187-193.; Сһгди Г. Татар һдһбияты тарихы / Г.Сһгди. — Казан: Татгосиздат., 1926. — Б. 40.

⁵ Госманов М. Яһа табылган һдһби, тарихи истһлеклһр / М.Госманов // Казан утлары. — 1966. — №7. — Б. 18-120.

⁶ Шһмсетдин Зһки шигырьлһре / Тльз. Зиннһтулла Мльхһммһтрһхими. — Башкортстан Фһннһр академиясенә Уфа тарих, тел цһм һдһбият институты гыйльми архивы (БФА УТТҺИГА), ф.3, т.63, б.47, б.178.

⁷ Миннегулов Х. XIX йльз татар һдһбияты ядкярлһре / Х.Миннегулов, Ш.Садретдинов. — Казан: Казан ун-ты нһшр., 1982. — 144 б.

суфизма.¹

В работах татарских ученых, занимающихся историей языка, о языке произведений Ш.Заки имеются лишь высказывания общего характера. В частности, В.Х.Хаков указывает, что Ш.Заки, оставаясь преданным традициям, старается придерживаться поэтического стиля тюрко-татарских письменных памятников. Его произведения отличаются своей индивидуальностью.²

По мнению Ш.А.Рамазанова, язык этих произведений по лексической и грамматической структуре представляет собой смесь древнего кипчакско-булгарского, уйгуро-чагатайского, арабо-персидского, османо-турецкого и немного татарского языков.³

Таким образом, исследователи внесли определенный вклад в изучение языка поэтического наследия Ш.Заки. Однако в целом морфологический строй языка Ш.Заки, в частности функции арабских и персидских морфологических заимствований, роль его произведений в историческом развитии татарского литературного языка до сих пор не стали объектом специального исследования.

Основная исследовательская проблематика. Без изучения суфийского компонента получить ясное представление не только о поэтике, художественно-изобразительной архитектонике, но и о языковых – лексико-семантических, морфологических – особенностях творчества Ш.Заки не представляется возможным.

Из всех течений средневековой арабо-мусульманской философской мысли суфизм был наиболее распространенным направлением на мусульманском Востоке. По мнению А.Юзеева, данному обстоятельству способствовали привлекательные для различных слоев мусульманского общества доктрины аскетизма – отказ от мирских благ, возможность познания бога, а также принцип универсальности, бывший одним из основных доктрин в

¹ Гайнуллин М.Х. Татар Һџџбияты. XIX йџз. Тулыландырылган икенче басма. Югары уку йортлары џчен / М.Х.Гайнуллин. — Казан: Таткнигоиздат., 1968. — Б. 56-63.; Гайнуллин М. Татарская литература XIX века / М.Гайнуллин. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. — С. 103-108.; Гайнуллин М. Шџмсетдин Зџки // Татар Һџџбияты тарихы: 6 т. — Казан: Тат. кит. нџшр., 1985. — Т. 2: XIX йџз татар Һџџбияты. — 170-184 б.; Миџнегулов Х. XIX йџз татар Һџџбияты ядкярлџре / Х.Миџнегулов, Ш.Садретдинов. — Казан: Казан ун-ты нџшр., 1982. — 144 б.; Миџнегулов Х.Й. Гасырлар џнен тыџлап... / Х.Й.Миџнегулов. — Казан: Мџгариф, 2003. — Б. 92-107.; Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа / А.И.Харисов. — Уфа: Башк. кн. изд., 1973. — С. 263.

² Хаков В.Х. Татар Һџџби теле тарихы / В.Х.Хаков. — Казан: Казан ун-ты нџшр., 1993. — Б. 231.

³ Рамазанов Ш.И. Татар теле буенча очерклар / Ш.И.Рамазанов. — Казан: Таткнигоиздат., 1954. — Б. 60.

суфизме.¹

Основой суфийской идеологии является идея индивидуального мистического контакта человека с Аллахом и интуитивного познания божества. Суфизм выступает с такими морально-этическими ценностями, как нравственная чистота и духовное совершенство человека, социальная справедливость и равенство людей перед Аллахом, борьба со злом, утверждение доброты и братства среди людей.²

С принятием булгарами ислама суфизм обрел свое место и в истории татарского народа, вошел в духовную, культурную жизнь тюрко-татарского ареала. В Волжской Булгарии нашло распространение учение Ходжы Ахмеда Ясеви и С.Бакыргани – основателей суфийского направления ясевия.³ В дальнейшем учение ясевия стало духовным источником и фундаментом братства накышбендия.⁴

Но к XIX веку интерес к суфизму стал ослабевать. XIX век – своеобразный переломный период в истории татарского народа. В национальной истории он стал веком реформации, просвещения, секуляризации общественной жизни, выработки новой парадигмы национального развития на культурной и мировоззренческой почве Ислама⁵ и является переходным этапом от Средневековья к Новому времени.⁶

Суфизм сильно повлиял на татарскую литературу, именно национальная поэзия стала своеобразной ареной для пропаганды теологических, философских, суфийских воззрений, что нашло отражение в творчестве Абельманиха Каргалый, Хибатуллы Салихова, молодого Габдельджаббара Кандалий, Шамсетдина Заки и др.⁷

¹ Юзеев А. Суфизм в Поволжье и Приуралье / А.Юзеев // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. — С. 113.

² Пригарина Н. Введение / Н.Пригарина // Суфизм в контексте мусульманской культуры. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. — С. 3.

³ Абилов Ш. Суфичылык / Ш.Абилов // Татар әдәбияты тарихы: 6 т. — Казан: Тат. кит. нәшр., — Т.1: Борынгы җәм урта гасыр татар җдҗбияты. — 1984. — Б. 361.

⁴ Бертельс Е.Э. Избранные труды: В 3 т. — М.: Наука, 1965. — Т.3: Суфизм и суфийская литература. — С.53.

⁵ Амирханов Р.М. Ислам и нация в концепции национальной истории Ш.Марджани / Р.М.Амирханов // Ш.Марджани: Наследие и современность. Материалы международной научной конференции. — Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. — С. 151.

⁶ История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). — Казань: Фикер, 2003. — С. 3.

⁷ Сибгатуллина А.Т. Суфизм в татарской литературе (истoki, тематика и жанровые особенности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Т.Сибгатуллина; Казан. гос. ун-та. — Казань, 2000. — С. 24-25.

Преобладающим языком поэзии суфийских классиков был фарси, но существуют произведения и на арабском, турецком и даже греческом языках.¹ Сравнительное лингвистическое изучение суфийских произведений татарских авторов первой половины XIX в. показывает, что язык суфийской поэзии неоднороден. Одни произведения чрезвычайно насыщены традиционными языковыми средствами, другие больше включают в себя элементы народного языка. Подобная смешанность была возведена в традицию, на которую вполне сознательно ориентировались и поэты, и переписчики, писавшие в разное время и в различных тюркоязычных областях.² Неоднородность, смешанность языка суфийской поэзии зависела, прежде всего, от жанра, стиля произведения, от позиции и начитанности автора.³

Целью данного исследования является системное и комплексное изучение морфологических особенностей языка поэтических произведений Ш.Заки – известного представителя суфийской литературы XIX века, выявление взаимодействия многовековых письменно-традиционных норм и языковых «новаторств» в лирике исследуемого автора.

Этим определяются основные **задачи** диссертационной работы:

- изучение культурно-исторической и языковой ситуации, бытовавшей в XIX веке;
- системно-функциональный анализ морфологии языка произведений Ш.Заки и выявление своеобразия морфологических средств;
- исследование форм структурных парадигм и их значений в грамматических категориях;
- выявление специфики использования поэтом традиционных морфологических норм, принципов его отбора и организации, выражающих особенности индивидуального авторского стиля;
- определение места и роли арабских и персидских морфологических

¹ Очерки истории распространения исламской цивилизации: В 2 т. — М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. — Т.1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. — С. 245.

² Благова Г.Ф. О соотношениях прозаического и поэтического варианта среднеазиатского-тюркского литературно-письменного языка XV – начала XVI в. / Г.Ф.Благова // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. — С. 28.

³ Галаяутдинов И.Г. Из истории башкирского литературного языка XIX – начала XX века / И.Г.Галаяутдинов // Исследования по башкирскому языку и письменной культуре Башкирии. — Уфа, 1989. — С. 18.

форм в создании текстов поэтических произведений;

- определение роли поэта в истории татарского литературного языка.

Объектом исследования является язык произведений суфийского поэта XIX века Ш.Заки.

Источниками исследования послужили произведения Ш.Заки, опубликованные на арабской графике. Основу нашей работы составляют рукопись, составленная Зиннатуллой Мухамметрахими и «Асарь» Р.Фахрутдинова (А.), относящийся к началу XX века.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, новым подходом к изучению языковых особенностей языка суфийского поэта Ш.Заки, творчество которого еще не было предметом специального комплексного историко-лингвистического исследования. В диссертации впервые предпринимается попытка историко-сопоставительного, сравнительно-типологического анализа морфологических средств, характерных для татарского литературного языка того периода, в частности и для языка произведений Ш.Заки, с закономерностями функционирования их в арабском и персидском языках и произведениях поэтов-суфиев мусульманского Востока.

Методология и методика исследования. Методологическую основу работы составляет накопленный в отечественной и зарубежной тюркологии, а также востоковедении опыт герменевтического анализа языка письменных текстов на основе системно-функционального подхода к языку.

Основным лингвистическим методом исследования является *сопоставительно-исторический метод*, который позволяет выявить особенности взаимодействия татарского языка с арабским и персидским в процессе создания поэтических текстов, определить некоторые тенденции развития морфологической системы национального литературного языка исследуемого периода. В процессе анализа, прежде всего при сопоставлении, обобщении и классификации анализируемого материала был использован *описательный метод*. При выявлении схожих, общих признаков специфических особенностей неродственных (арабского, персидского и татарского) языков широко применялся также *сравнительно-типологический метод*. По мере

необходимости был использован *статистический метод*, позволяющий судить о частотности тех или иных морфологических явлений.

Теоретической основой исследования явились научно-теоретические труды известных отечественных тюркологов Н.А.Баскакова, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова, Н.З.Гаджиевой, Б.А.Серебренникова, А.М.Щербака, Э.Р.Тенишева, Д.М.Насилова, Э.Н.Наджиба. При рассмотрении общих закономерностей развития татарского литературного языка были использованы труды татарских языковедов Г.Сагди, А.Максуди, Дж.Валиди, Ш.А.Рамазанова, М.З.Закиева, Д.Г.Тумашевой, Ф.М.Хисамовой, В.Х.Хакова, Г.Ф.Саттарова, Ф.А.Ганиева, Ф.Ю.Юсупова и др. Выявлению основных закономерностей освоения арабских и персидских заимствований в татарском языке и, в частности, в произведениях Ш.Заки, способствовали труды Б.М.Гранде, Б.З.Халидова, А.А.Ковалева, Г.Ш.Шарбатова, Ю.А.Рубинчика, И.К.Овчинниковой.

Научно-теоретическая значимость работы определяется, во-первых тем, что языковой анализ произведений отдельного татарского поэта может дать дополнительные языковые материалы, раскрывающие эволюцию татарского литературного языка, необходимые для изучения основных тенденций в его развитии. Следует учесть также, что язык произведений Ш.Заки, как один из вариантов татарского литературного языка, используемый в данном исследовании в качестве источника и доказательства, являются важным свидетельством изменений и обновлений, происходящих в морфологии татарского языка в XIX веке.

Во-вторых, в настоящее время сакральным текстам суфийских авторов и их роли в истории национального литературного языка уделяется особое внимание. В нашей работе на примере творчества Ш.Заки рассматриваются многие теоретические проблемы взаимоотношений татарского языка с персидским и арабским языками.

В-третьих, проведенное исследование может послужить дальнейшей опорой в разработке языка художественных произведений, в частности, синтаксико-стилистических особенностей татарской поэзии XIX века.

Практическая ценность исследования определяется тем, что ее результаты могут быть использованы как при дальнейшем исследовании языка произведений авторов того периода, так и при построении общих и специальных, лекционных курсов по истории татарского литературного языка в вузах. Отдельные положения и выводы работы могут быть использованы также в практических занятиях по истории татарского литературного языка, в учебных курсах по исторической морфологии.

Апробация работы. По ряду проблем диссертационного исследования автор неоднократно выступал на итоговых научно-теоретических конференциях, проводимых Казанским государственным университетом (2002-2004), Зеленодольским филиалом КГУ (2004), Татарским государственным гуманитарным институтом (2003, 2004) и т.д.

По теме диссертации опубликовано 6 статей в разных научных сборниках и журналах.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются основная исследовательская проблематика, цель, конкретные задачи, объект работы, источники и теоретическая основа исследования, обосновывается научная новизна, научно-теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Именные части речи» рассматриваются вопросы, касающиеся морфологических особенностей именных частей речи в языке произведений Ш.Заки.

Имя существительное. Анализ специфики употребления имени существительного в языке поэтических произведений Ш.Заки проводится по характерным для этой части речи категориям.

Категория принадлежности. Значение принадлежности передается грамматическими средствами, присущими для татарского, арабского и

персидского языков. Среди тюрко-татарских способов выражения значения принадлежности *синтетический способ* в исследуемых нами произведениях Ш.Заки является превалирующим: *näfsem* (А. 418) «душа моя», *qulyñda* (А. 416) «в твоей руке», *künleñ* (А. 416) «твоя душа». Иногда при присоединении к словам аффикса принадлежности I лица единственного числа указанные аффиксы, выражая ласковое обращение к собеседнику, придают словам эмоциональную окрашенность, поэтому они часто употребляются в составе обращения: *duslarym*, *ber-bereñä yujzzät qylyñ* (100) «друзья мои, оказывайте друг другу уважение».

При *аналитико-синтетическом способе* (*bänem küzem* (103) «мои глаза», *anlarnyñ cany* (132) «их души», *anyñ mäkre* (128) «его коварство») для выражения значения принадлежности вместо личного местоимения может употребляться местоимение *kändü* (*kändü дәstem berlä räqam itdem yazäl* (124) «своей рукой я написал газель»).

Отличительной особенностью произведений Ш.Заки является также инверсионное употребление аналитико-синтетического и аналитического способов, что обусловлено, прежде всего, литературно-жанровой спецификой данных произведений (*betmäjä eşeñ sāneñ nätämam* (112) «твоя работа не доведена ещё до конца»).

В языке исследуемых произведений для выражения значения принадлежности к именам существительным присоединяются персидские слитные местоимения I лица *-am/-äm* (*haman mārde dilām qoruy telemdar* (95) «все ещё не ожило сердце мое, запёкся мой язык»). Эти формы употребляются также при формировании аналитико-синтетического способа принадлежности, присущего татарскому языку (*mätlubäm bänem ul viter irer* (118) «мое желание это свободная молитва»).

Категория падежа. В падежной системе поэтических произведений Ш.Заки переплетаются два типа склонения: кипчакский и огузский.

Основной падеж не имеет формальных показателей, т.е. выступает в нулевой форме (*haq täyälä hökem qyjlsa, warımy qolnyñ çarasy* (А. 417) «может ли раб противиться божьей воле?»). *Притяжательный падеж* представлен

аффиксами кипчакского (-*нуη/-неη*) и огузского (-*η*; -*уη/-еη*) вариантов (*bän xodanyη ber γaribe* (A. 417) «я один из инвалидов божьих», *künlemen küzene jabdy γarde γaflät qarasy* (87) «глаза души моей тень небрежения закрыла»). *Направительный падеж* оформляется также кипчакскими (-*γα/-гä*; -*qa/-kä*) и огузскими (-*jä*; -*a/-ä*) аффиксами (*näγāhan kilsä äcäl, süz telgä kilgäj, kilmägäj* (A. 416) «если внезапно наступит смерть, успеешь иль не успеешь вымолвить слово», *cäfa wä mixnätä düzmäk kiräkder* (85) «необходимо терпеть мучения и страдания»). Зафиксирована взаимозаменяемость направительного и исходного падежей (*čü, tuγy jula warmazam, kürärlär* (90) «увидят, если не пойду по прямой дороге»). При склонении имени существительного с аффиксами принадлежности III лица в направительном падеже наряду с огузским сохраняется также карлукский тип склонения (*adämigä ošbu läzzätlär hämmä biγanäder* (105) «для человека все эти наслаждения чужды»). *Винительный падеж* оформляется при помощи аффиксов как кипчакского -*n/-ne*, так и огузского -*ju*; -*y/-i(e)* типов (*äzalät äjlä bāndan bu γamany* (89) «убери прочь от меня это горе (слепоту)», *künel zindany ečrä saqla razy* (108) «храни тайну в темнице души»). Показателями *исходного падежа* являются аффиксы -*dan/-dän*; -*din* (*šul širbät-din ečkem kiler* (104) «хочу испробовать того шербета», *bu dönjadan qačqum kiler* (104) «хочу бежать от этого мира»). Отмечены единичные случаи употребления исходного падежа в значении направительного (*räxmätendin ömäner män* (104) «я надеюсь на твою благодарность»). *Местно-временной падеж* представлен звонкими вариантами аффиксов -*da/-dä* (*čuq gönah itdem bän ul mäybüdemä bu dönjada* (A. 417) «много грехов у меня перед аллахом в этом свете»).

Категория числа. *Морфологический способ* передачи множественного числа заключается в употреблении специального аффикса -*lar/-lär* (*irānlär sadry buldy qabre äsrar* (108) «недры губ стали могилой тайн»). Отвлеченные и собирательные существительные в форме множественного числа выражают множество совокупных единиц или употребляются в экспрессивных целях (*üzgä qajγulardan aslan zinhayum qalmady* (A. 415) «из-за всяческих страхов не осталось сил для желаний»). При *лексико-синтаксическом* способе выражения

множественного числа в качестве определения имени существительного выступают количественные числительные или отдельные слова, выражающие понятие множественности (cömlä bimarnuñ dāwasy bondadyr (112) «здесь лекарство для всех больных». Значение множественности может передаваться сочетанием морфологического и лексико-синтаксического способов (barča ešläremdä (107) «во всех моих делах»).

В поэтических произведениях Ш.Заки наблюдается также выражение значения множественности арабскими словами в форме «ломанного» множественного числа: äymäl (102) «дела», äqwäl (102) «слова», äşyar (90) «стихи», äsxab (123) «друзья». Арабские слова в «ломанном» множественном числе употребляются также и для передачи значения множественности при смешанном способе: cömlä ärwaxnuñ gidasy bondadyr (112) «здесь все нищие духом».

Категория сказуемости в поэтических произведениях Ш.Заки оформляется аффиксами *-mān* (kem ki haqnuñ doşmanydyr, - bān anyñ doşmany mān (117) «я враг того, кто является врагом бога»), *-sān* (ägärçä sän mönāzzāh padişahsän, ki fariy sän bānem çuq azyndan (90) «если ты невинный шах, то ты непорочен, как я»), *doryr* (*toryr*) или *-dyr/-der* (ul toyr din padişhy (129) «он - шах религии», äjü süz gārçä canlaryñ yazadyr, wāli küb süzlämäklekdä xatär bar (108) «священное слово - пища для души, но много говорить опасно»).

Имя прилагательное. В исследуемых поэтических произведениях употребляются прилагательные тюркского, арабского и персидского происхождения. Зафиксированные *прилагательные тюрко-татарского происхождения* с морфологической точки зрения делятся на производные и непроизводные (*izgü* (102) «святой, добрый», *jalyan* (116) «ложный»). Производные имена прилагательные образуются суффиксами *-ly/-le* (*qanly* (91) «окровавленный», *qurquly* (91) «опасный, страшный»); *-syz/-sez*, который присоединяется как к основам тюркского, так и арабо-персидского происхождения (*wafasyz* (85) «неисполнимый, неверный», *yäzälsez* (105) «без оды», *gönahsyz* (133) «безгрешный, безвинный»).

Арабские прилагательные в произведениях Ш.Заки образованы по модели

fäyil (bäyid (107, 110) «далекий», *gäxim* (102) «милосердный»), которые могут употребляться в сравнительной степени (*äxsan* «самый хороший, лучший»: *dine islam šöker äxsandyr, i jar* (125) «религия ислама самая хорошая, о, возлюбленный»).

Персидские прилагательные. В языке исследуемых поэтических произведений употребляются непроеизводные (*šad* (96) «радостный», *azat* (105) «свободный») и производные прилагательные персидского происхождения, образованные при помощи префиксов *bi* и *na*, которые указывают на отсутствие качества и свойства (*bičara* (113, 89, 118) «беспомощный», *nadan* (113) «неграмотный», *nabikär* (110) «безработный»).

Персидские заимствованные имена прилагательные присоединяются к определяемому как согласованные определения (*širin kalam, söjlä telenen baridä* (99) «говори сладкие слова, пока владеешь языком») или при помощи изафетного показателя -э (и): *saistä* «достойной, заслуженной»: *canny saistäi canan idär* (83) «душу сделает, достойную возлюбленной (любви)».

В отличие от татарских прилагательных, персидские имена прилагательные могут присоединять тюркский аффикс сравнительной степени - *raq/-räk* (*bu ikenen arasynda bälki budyr bädrake* (111) «между этими двумя это, возможно, хуже»).

Местоимение. В языке поэтических произведений Ш.Заки представлены:

Личные местоимения: *bän* и *män* «я», *bez* «мы», *sän* «ты», *sez* «вы», *ul* «он, она, оно». Зафиксированы узбеко-уйгурские варианты - *bezlär* «мы», *sezlär* «вы», *anlar* «они».

Указательные местоимения: *bu* «этот», *oşbu* «вот этот», *şul* «тот», *ul* «тот», *şu* «тот», *bulaј* «так».

Вопросительные местоимения: *kem* «кто», *nä* «что», *näčä* «сколько», *nätä* «как, каким образом», *qanu* «где», *qaju* «который, какой», *qanqu* «который, какой», *qanquј* «какой», *näqadär* «сколько», *ni öčen* «почему», *qajčan* «когда». В некоторых случаях наблюдается употребление слова *nädiklü* «сколько» вместо местоимения *näqadär* «сколько» (*nädiklü disäm äşyär qavafy* (90) «сколько мне сказать стихотворных рифм»).

Определительные местоимения: *här* «каждый», *härnä* «каждый», *härkem* «всякий, каждый», *härqaju* «езде, всюду», *härqačan* «всегда», *barča* «все», *qamu* «все», *böten* «весь, все», *üz* «сам, самый, свой», *kändü* «сам, свой».

В произведениях Ш.Заки функционируют и местоимения, заимствованные из арабского языка: *hämma* «все» и *cömlä* «весь, все» (*adämigä oşbu läzzätlär hämma biyanäder* (105) «человеку наслаждения эти чужды»), для передачи значения времени используются заимствованные из персидского языка местоимения *härdäm* «всегда» и *härgiz* «всегда, никогда» (*lotfyñ ilä bäsälägel härdäm bane* (107) «милостью своей приваживай всегда меня»).

Отрицательные местоимения: *hič* «нисколько», *ber* «один», *hičkem* «никто», *hičkemsä* «никто», *aslan* «совсем, совершенно». Отрицательные местоимения являются в большинстве своем сложными словами. Местоимения *hičkem* «никто» и *hičkemsä* «никто» соотносятся с существительными и в предложении функционируют подобно им. Эти местоимения употребляются в соотношении с лицом (*aña hičkem därman qyjlmaz* (104) «ему никто не поможет»). Зафиксированы случаи употребления определительного местоимение *härkem* «всякий, каждый» в значении отрицательного (*härkemä kem sändan ulmady mädäd* (106) «ты никому не помог»).

Имя числительное. *Количественные числительные* отмечены в следующих формах: простые (*ber* (85) «один», *biš* (109) «пять») и составные (*jöz meñ* (80) «сто тысяч»). При субстантивации имена числительные употребляются самостоятельно и изменяются по падежам, числам, принимают аффиксы принадлежности и сказуемости, выступая в предложении в качестве сказуемого (*i möddäyi ike cāhanda ber doryr* (128) «в обоих мирах один и тот же истец»). Нами зафиксированы также персидские количественные числительные *jek* «один», *du* «два» и *hāzaran* «тысячи».

Интерес представляет и *порядковое числительное* арабского происхождения *äüwāl* «первый»: *äüwāl-axyr moradym ul doryr* (127) «она (это) - первая и последняя цель моя».

Собирательные числительные у Ш.Заки в большинстве случаев образуются при помощи общетюркского аффикса *-au/-äü* (*can ilä iman – ikäülän*

– ber öjüdä bal ečär (99) «душа и вера – вдвоем – пьют в доме одном мёд»).

Разделительные числительные образуются от основы количественных числительных с помощью аффикса *-ar/-är* (meñär ɣafil bu süzä tanmajyb kidär kirü (85) «тысячи невежественных пойдут обратно, не веря этому слову»).

Наречие. В языке поэтических произведений Ш.Заки употребляются наречия тюрко-татарского, арабского и персидского происхождения. Среди *наречий тюрко-татарского происхождения* по морфологической структуре выделяются корневые наречия (*čiq* «много», *tiz* «быстро») и производные, которые представляют основную часть. При помощи аффикса *-ča* образованы наречия *šunča* «столько», *monča* «сколько» (*ɣalām ečrä ähle xəjrä kürmädem monča xosud* (110) «сколько хороших людей не увидел я в мире»). Большинство наречий представляют собой результат адвербиализации – лексикализации различных форм падежей. Так, с помощью аффикса *-ra/-rä* направительного падежа образуются наречия *ečrä* «внутри», *sonra* «потом» (*ul šäqawät ečrä qaldu ta äbäd* (106) «он вечно будет пребывать в тяжелом положении»).

Наречия, заимствованные из арабского языка. В исследуемых нами произведениях количество исконно арабских наречий ограничено (*misle* «подобно, такой как»: *misle šajtan ädamizatın haman mälyun doryt* (111) «над человеком тяготеет такое же проклятие, как и над дьяволом»).

В значении наречий также выступают: а) существительные в форме винительного падежа и неопределенном состоянии: *aslan* «совсем не, никогда», *qaulän* «словом», *cömlätän* «целиком», *fiylän* «фактически, действительно»; б) существительные в родительном падеже с предлогом: *bi + kullün = bikulli* «полностью, совсем» (*bikulli haqqa jöz totyb hämišä* (85) «доверяясь богу полностью, всегда»); в) автор употребляет некоторые арабские слова в значения наречия, однако эти слова в современном арабском языке в данном значении не отмечены. Например: масдар *mödam* «постоянно, всегда» в значении наречия времени: *wasläte canan öčen can saryf qylmaqny mödam, ir irsän* (86) «за свидание с возлюбленной всегда (нужно) готовым быть душу отдать, если ты мужчина».

Наречия, заимствованные из персидского языка. В исследуемых произведениях употребляются: а) заимствованные слова персидского

происхождения, не имеющие, как и в современном персидском языке, специальных показателей: *hāmišā* «всегда», *hārgiz* «всегда, никогда», *dāmbedām* «постоянно, часто», *naṣṣāhan* «внезапно, неожиданно»: *šul ṣaribā kem hāmišā ūkdeke sanan ikān* (113) «тот бедняга одержим любовью, всегда горит желанием любви»; б) замечены некоторые персидские слова, играющие роль одновременно определений или обстоятельств.¹ Например: *nātāmam* «полностью, совсем», *hāmin* «этот, только, единственно, именно», *haman* «всегда»: *soṣa, soṣa qan ešārmen bān hāmin* (127) «буду пить я кровь всегда глотками».

Вторая глава диссертационной работы посвящена системно-синхронному анализу глагола.

Изывительное наклонение – индикатив. Форма *настоящего времени* индикатива в произведениях Ш.Заки в большинстве случаев представлена формами на *-a/-ä*; *-j*, которые обладают широкой семантикой и обозначают: действие безотносительное к моменту речи (*šul keše, kem dōnjada bi dārd ula, hārgiz ul mārde ūlmājā bi dārd ula* (97) «тот человек, который в жизни чуждается страсти, стремится усмирить свои чувства»); действие, совпадающее с моментом речи (*aṇdyrasān anlara xacāteṇe* (126) «объясняешь им свою нужду»).

Прошедшее время представлено целым рядом форм, которые в структурном плане разделяются на синтетические и аналитические формы.

Прошедшее категорическое время на *-dy/-de* является общетюркской формой, которая выражает конкретное, очевидное, однократное действие в прошлом (*zillāt jāymuṣy ašdy dōzemdān* (90) «низости дождь стал выше коленей моих»). В зависимости от семантики глагола и контекста прошедшее категорическое время может передавать продолжительные или многократные действия (*lāgu-lāhū ilā kičerdem bu bāhale ṣōmreme* (129) «весело провел я эту ценную жизнь свою»).

Прошедшее результативное время на *-an/-ān*, употребляемая лишь для обозначения III лица единственного числа, имеет значение прошедшего неочевидного времени (*baṣu gölne nājläsen ul, xājšumy is sizmāgān* (119) «что он

¹ Рубинчик Ю.А. Грамматический очерк персидского языка / Ю.А.Рубинчик // Персидско-русский словарь: В 2 т. — М.: Сов. энциклопедия, 1970. — Т.2. — С. 834.

сделал тогда со цветком, (ведь) клюв его не чувствовал запах»).

I лицо единственного числа *прошедшего результативного* на *-myš/-meš*, которое является огузской формой, может оформляться при помощи аффикса *-um/-em* (усеченный вариант) и личного аффикса I группы *-myn/-men*: *ul tarike ʔajdā bulmyšym räsux* (124) «на той узкой дороге я был крепостью», *qasd idärem sanuma, ʕön susamyšmyn ʔanuma* (А. 414) «оскверню свою душу, ибо жажду своей крови».

В произведениях Ш.Заки употребляется и форма на *-myš dorur / -meš dorur*, которая является аналитической формой прошедшего результативного времени (*oşbu nury şul keşe tapmyš dorur, haqdan üzgädän küzen ʔapmyš dorur* (82) «вот этот луч того коснется человека, который не будет признавать никого, кроме бога»).

Преждепрошедшее время на *-myš/-meš ide* в изучаемых нами произведениях выражает значение прошедшего времени, которое предшествовало другому прошедшему времени (*ul säbäbdän hatirem synmyš ide, künlemeŋ ainäse tonmyš ide* (132) «поэтому память моя ослабла, зеркало моей души потускнело»).

Будущее время на *-yr*. В большинстве случаев в I лице единственного числа употребляются усеченные варианты аффиксов (*ʔäm ilä kičärem ʔaz wä közemdän* (90) «со скорбью (в душе) проведу весну и осень я»), I лицо единственного числа может спрягаться при помощи полного аффикса *-myn/ -men* (*ber xodayä syŋnymän, räxmätendin ömänermän, ʔazabendin imänermän* (104) «я поклоняюсь одному лишь богу, надеюсь на его милосердие, страшусь мук, которые он может ниспослать»).

Повелительное наклонение – императив. В большинстве случаев основой повелительного наклонения является II лицо единственного числа, и она не имеет специальных морфологических показателей (*näfse ʔıjyb ʔaqyla uʔan adäm uʔly* (83) «смирив гордыню разумом, проснись ты, человека сын»). II лицо единственного числа также образуется при помощи специального аффикса *-ʔyl/-gel* (*ʔa, ilähi, räxmät äjlägel bezä* (133) «о, всевышний, будь к нам милосердным»).

В большинстве случаев значение II лица множественного числа повелительного наклонения, как и во всех диалектах татарского языка,¹ имеет показатель *-(y)η / -(e)η u -(y)ηyz / -e(ηez)* (*üget wireη bāηa, i xäl belänlär* (90) «дайте мне совет, о, вы, пришедшие о здоровье моем узнать», *bäne ülem ilä tähdid itmāηez* (127) «не пугайте меня смертью»). II лицо множественного числа в языке поэтических произведений Ш.Заки образуется при помощи аффикса *-(y)ηyz / -(e)gez*: *qujas äjlägez imde: bu keşedä warmy din?* (111) «сравните: верующий ли этот человек?». III лицо повелительного наклонения характеризуется употреблением единой формы в единственном числе *-syn/-sen*, а во множественном *-synlar* (*nä deläsä, deläsen qol xodadan* (96) «чего не захотит, пусть просит раб у бога»).

Желательное наклонение – оптатив. Для выражения желания и намерения говорящего совершить действие в исследуемых произведениях используется огузско-турецкая форма *-alym, -älem, -aläm* (*jaratqanğa jalwaralym, tuγy jul berlä waralym, bäladin can qortaralym, - dişwar uldy bänem xalem* (104) «умолю создателя, пойду прямой дорогой, спасу душу от беды я, - печальным стало мое положение»).

Значение I лица оптатива передается также и аналитической конструкцией на *-γym kilür* (*γaflät ujqusyndan ujγanγyn kilür, jarγmy aηyb aηa janγym kilür* (117) «хочу стряхнуть беззаботности сон, узнать (найти) свою возлюбленную, (любовь) к ней гореть»).

Древнетюркский показатель желательного наклонения *-γaj/-gäj* у Ш.Заки употребляется с глаголами как отрицательной, так и утвердительной формы (*estäsäm γälämdä sändik jar bulγaj, bulmaγaj* (A. 416) «если на свете такая, как ты, любимая, найдется иль не найдется»).

Условное наклонение – кондиционалис в исследуемых текстах представлено общетюркской формой на *-sa/-sä* (*hämçälis ulsaη qajçan köber ilä, din oluyγ härqaju γölama ilä* (126) «когда вырастешь, станешь советником, авторитет религии зиждется на учёных» и формами *-yrsa/-ersä, -ursa/-arsa* (*gär delärsän kem, dökänmäz дәүләтә ireşäsän* (81) «если захочешь, добьешься

¹ Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Д.Г.Тумашева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. — С. 68.; Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю.Юсупов. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. — С. 193.

неисчерпаемого богатства»).

Причастие. Для поэтических произведений характерны тюрко-татарские причастия прошедшего времени на *-γan/-gän*, *-an/-än*, *-dyq/-dek*, *-myš/-meš*, и причастия будущего времени на *-ačaq*, *-yr/-er* (*-maz/-mäz*). Формы причастия настоящего времени не употребляются.

Наиболее употребляемой и продуктивной формой являются *причастия на -γan/-gän*. Они используются в собственно-причастном (*bu xəqyǵgä xəzrätē mǵnzarläre döškān zaman* (130) «время, когда господин (мулла) посмотрел на этого презренного») значении, а также может субстантивироваться: в основном падеже выражает субъект действия (*ošbu süzdān alyan aldy läzzäte*, *bu näsyxāt anyñ uldy дәүләте* (97) «от этих слов кто-то получил наслаждение, этот совет стал его богатством»); в назывательном падеже, выступая без аффиксов принадлежности, также обозначает имя деятеля (*jaratqanγa jalwaralym*, *tuγry jul berlä waralym* (104) «создателя умоляю, прямой дорогой я иду»); в местно-временном падеже выражает действие, совершающееся параллельно с действием, выраженным личной формой глагола (*bel*, *mönañiq ulmaγynda*, *juq irer hič qyjl(u) qāl* (109) «знай, пока нет двуличного, не будет никакого спора»).

Причастие на -an употребляется в различных фонетических вариантах: *-an/-än* и *-jan/-jān* (*üget wireñ bāñā*, *i xäl belānlār* (90) «дайте мне совет, о, вы пришедшие о здоровье моем узнать», *bu mǵnzumny dijān uš ber fāqirder*, *fālān uγly fālān dib mǵšhürder* (122) «сказавший этот стих - один бедняк, известный как сын некоего человека»).

Причастие на -dyq/-dek, которое является древнетюркской формой, характерно для огузской группы современных тюркских языков, используется в субстантивированном и глагольно-именном значениях. В форме: основного падежа выражает объектные отношения: *kändü näfsendān дәxi bizar ulyr*, *irtä-kičä kötdeke didar ulyr* (127) «отверг свою измученную душу, утром и вечером он свидания ожидает»; в винительном падеже употребляется в значении имени действия, выраженного личной формой глагола (*qanqyl julda irdekeme gäh-gäh sizenübān gārčä bān uldym agäh* (124) «той дорогой, по которой я ходил

иногда, почувствовав, что будто бы узнал»).

Причастие прошедшего времени на *-dyq/-dek* при употреблении в глагольно-именном значении субстантивируется и обозначает действие, не связанное с субъектом (*kildekeñ üzeñ öçender, i aya, anyñ öçen äjderäm bony säñä* (112) «ты пришел ради себя, о, дядя, поэтому говорю это тебе»).

Широко применяется *причастие на -myş/-meş*, характерное для огузской группы тюркских языков, которое в отличие от современного литературного татарского языка и его диалектов¹ употребляется как в собственно-причастном (*ja ilähi, ber näzar qylyl bu ülmeş küñlemä* (91) «о всевышний, загляни в мою умирающую душу»), так и в субстантивированном (*kiçä köndez qyjlmıyşñ känd üzeñä häsrät doryt* (98) «совершенное тобой вчера днем - беда для тебя самого») значениях.

Причастие на -açaq, употребляемое в довольно ограниченном количестве, в атрибутивной функции выражает признак предмета, осуществление которого не подвергается сомнению (*şul bäqa jor dy dözät kem, waraçaq jireñder ul* (106) «почини вечный дом, куда должен ты идти»).

Причастие на -yr/-er (отрицательная форма – *-maz/-müz*) в исследуемых произведениях встречается мало, встречается как в собственно-причастном (*säühäre ulmaz jira saryf äjlämä* (97) «не траться для места, где нет драгоценного камня»), так и в субстантивированном (*forsatñ waqtyn ɣanimät bel, äcäl kilmäzdän uñ* (113) «узнай для себя момент добычи трофея, пусть не достигнет тебя смерть») значениях.

Причастия, заимствованные из арабского языка. Арабские причастия действительного залога в изученных произведениях встречаются, в основном, в собственно причастном значении (*ɣasyj* «грешный», *gär bu ɣasyj bändägä haqdan ɣujnajät bulmasa* (94) «если этому грешному человеку не будет помощи от бога»), а причастия страдательного залога - в субстантивированном значении: *mänzum* «стихотворный»: *bu mänzumny dijan uş ber faqirder* (122) «сказавший этот стихотворный бедняк один». Они могут самостоятельно функционировать в роли как простого сказуемого, оформляясь аффиксами сказуемости (*mäsül*

¹ Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю.Юсупов. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. — С. 105.

«спрошенный, ответственный»: *haman ul, - mäsülemder* (96) «это все ещё он - мой опрошенный»), так и в качестве компонента сложного сказуемого с вспомогательными глаголами: *äjlä, irsä, ula, it, qyjla, qala, kilä* (*yaqyjla* «умный, разумный»: *yaqyjla irsäñ, mäşyäl por sudan ügränmäk kiräk* (86) «если умен ты, надо учиться у могучей воды»).

Деепричастие. По морфологической классификации деепричастные формы изучаемых произведений можно разделить на следующие группы:

Деепричастие на -yb/-eb является активно употребительной и продуктивной формой (*ul nä beleb añlaja tamuy(y)nu, ostaynu* (92) «как он отличит ад от рая»). Отрицательными формами на *-yb/-eb* являются деепричастия на *-majyb/-mäjeb* и *-majynča/-mäjenčä* (*meñär yañil bu süzä tanmajyb kidär kirü* (85) «тысячи невежественных пойдут обратно, не поверив этому слову», *üze betmäjenčä eše betmäde* (112) «пока не умер, не закончилась его работа»).

Деепричастие на -ibän выступает грамматическим синонимом формы на *-yb/-eb* (*bu fanı ewläre wäjran qylubän, ad baqyj jörüne tözmäk kiräkder* (85) «разрушив эти ветхие дома, нужно построить вечное»).

Деепричастие на -jyn/-jen обозначает действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом (*sadyjq kätzbeñ añlajyn kätzben beler* (116) «правдивый, поняв твой обман, узнает и его обман»).

Деепричастие на -yač употребляется весьма ограниченно, обозначает действие, непосредственно предшествующее действию основного глагола: *haq täyälä hökem qujlyaç, warmu qolnuñ čarasy* (88) «если бог накажет, может ли человек противиться божьей воле».

Имя действия. В языке исследуемых поэтических произведений зафиксированы имена действия тюрко-татарского происхождения, образующиеся с помощью аффиксов *-maq/-mäk, -maqluq/-mäklek, -ma/-mä, -u/-ü, -yu/-ge*.

Имя действия на -maq/-mäk в большинстве случаев субстантивируется и употребляется с аффиксами принадлежности и падежа (*küb süzlämäkdä xatär bar* (108) «много говорить опасно»).

Имя действия на -taqluq/-mäklek в сочетании с послелогом *öçen* «ради», «за» выражает цель совершения действия (*safa wä niymätä irmäklek öçen, cäfä wä mixnätä düzmäk kiräkder* (85) «ради достижения блаженства и благополучия, необходимо терпеть мучения и страдания»).

Имя действия на -ta/-mä встречается только в форме исходного падежа и выступая в функции дополнения, обозначает косвенный объект действия (*bu nafsem yaquyla yaleb kilmädän uñ* (85) «пусть тебе повезет от превосходства души над разумом»).

Имя действия на -u/-ü, которое употребляется весьма ограниченно, субстантивируется: в форме основного падежа обозначает название действия, состояния, процесса (*sezlärä ulsyn dijü ber jädkär* (124) «он сказал, пусть это будет вам на память»); в винительном падеже выражает объектные отношения (*bu fanı ewläre wäjran qylubän, ad baquj jörüne tözmäk kiräkder* (85) «разрушив эти ветхие дома, нужно построить вечное»).

Имя действия на -u/-ge употребляется в составе конструкций на *-uym kilür/-uym kilür*, которое является диалектной формой,¹ и выражает непроизвольное желание субъекта совершить действие (*kem ki haquy säüde, -aña aña uluym kilür* (117) «хочу быть другом того, кто любит правду»).

Имена действия, заимствованные из арабского языка. Нами зафиксированы следующие формы арабских имен действий, или масдаров: подавляющее большинство масдаров составляют имена действия I породы (*tärk* (93) «оставление, бросание», *däülät* (95) «государство; богатство», *mäyriät* (86, 117) «знание, наука; просвещение»), II порода (*tädbir* (83) «предусмотрительность»), III порода (*nizam* (109) «порядок»), IV порода (*iman* (81, 134) «вера, убеждение»), VIII порода (*intizar* (А. 415) «ожидание»), X порода (*istiämät* (124) «честность, правдивость»).

Инфинитив. В языке изучаемых произведений значение инфинитива реализуется в формах на *-tağa/-mägä*, *-taq/-mäk*, *-yğa/-ergä*, *-asy/-äse*.

Форма на -tağa / -mägä употребляется для обозначения цели совершения

¹ Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф.Ю.Юсупов. — Казань: Фэн, 2004. — С. 274-275.; Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Д.Г.Тумашева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. — С. 198.

действия (ul jaŋa warmaŋa tuŋry jul kiräk (107) «чтобы идти туда, нужно найти прямую дорогу») и намерения лица совершить действие (män delärmen kem šul qaumeŋ zömräsändän ulmaŋa (94) «я хочу принадлежать к одной из групп того народа»).

Форма на -maq/-mäk в сочетании с модальным словом *kiräk* «нужно», «необходимо», «надо», «должен» выражает значения инфинитива и используется в безличных предложениях для передачи значения необходимости совершения какого-либо действия (täŋre dustydyr ular, belmäk kiräk (125) «нужно знать, что они являются друзьями всевышнего»).

Форма на -yryŋa/-ergä выражает значение цели действия (rizanyz warmy jänä qylyryŋa ŋaqd šäryder miŋanä (121) «согласны ли вы вступить снова в брак?»).

Форма на -asy/-äse в исследуемых поэтических произведениях обозначает процесс, соответствующий значению инфинитива на *-yryŋa* литературного языка. При независимом употреблении инфинитив на *-asy/-äse* выступает в предложении в позиции сказуемого и обозначает долженствование или необходимость совершения действия (igre jullarny qujubän tuŋry jula warasy, tarek idüb äŋjare ul täŋriŋä jalwarasy (A.418) «оставляя другие пути надо идти прямой дорогой, оставляя других, надо молиться этому всевышнему»).

Таким образом, анализ морфологических особенностей глагола в поэтических произведениях Ш.Заки показывает, что для них свойственно сочетание грамматических элементов кипчакских языков с огузскими. Арабские грамматические формы встречаются лишь в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтетическим функциям близки к именам.

Третья глава «Служебные части речи» охватывает круг вопросов системно-синхронного изучения служебных частей речи. В этой главе наряду с служебными частями речи, рассматриваются также модальные слова и междометия, характерные для произведений Ш.Заки.

Послелог по семантическому признаку можно разделить на послелог: *пространства* - *belän* (*belä*, *berlä*, *berlän*) «с, вместе, посредством, по», *времени* - *birü* «с тех пор, с», *совместности* - *belän* (*belä*, *berlä*, *berlän*) «с, вместе, посредством, по» и *ilä* «с, вместе, посредством», *подобия и сравнения* - *kebi*

«как, словно, подобно, точно» (bu julda ud kebi qyzmaq kiräk (85) «на этом пути необходимо как в огне калиться», tuıru jul berlä waralym (104) «иду прямой дорогой») и т.д.

Персидские предлоги относятся к следующим семантическим группам: *времени* - *ta* «до», *совместности* - *ba* «с», *места* - *där* «в, внутри, при, под» (ta terek sez, dustlarym, ber bereñä yujzzät qylyñ (A. 416) «пока живы, друзья, оказывайте уважение друг к другу», ähle dârd ulan kemsänä dâr serešt (97) «больной с рождения»).

Арабские предлоги у Ш.Заки обозначают *пространство* - *fî* «в», *совместность* - *bî* «с», *сравнение и уподобление* - *kâj* «как, подобно»; *исключение* - *ğajre* «кроме, помимо» (ğâciz aşöftâder zar zâyifem kâj nâxif (91) «как измученный (человек), тихо и горестно плачет мой больной», ta sane belam ki, sândân ğajre ğarım qalmady (102) «а тебя я знаю, не осталось у меня другой возлюбленной, кроме тебя»).

Союзы. *Тюркский союз jänä* «еще, а также» выражает повторение или следование одного процесса за другим: küñeldän ğâm härgiz sulmaz, cārahāte hiç ikselmâz, jänä härgiz mārham ulmaz, - dişwar uldy bānem xalem (104) «в душе никогда не увянет печаль, её рана не заживет, не найти также лекарства, - печальным стало мое состояние». Союз *nä...nä* «ни...ни, ли...ли» употребляется для усиления утверждения (ğâşiğ äjder kem, bāña mäülâ kiräk, jāyni nâ dönja wâ nâ ğaqba kiräk (127) «влюбленный говорит, мне нужен друг, не нужен мир этот, ни другой»).

Персидские союзы по семантике выражают различные отношения: *соединительные* - *häm* «и, да» в значении «и», *противительные* - *bälki* «а, но, однако» и *wäli* «но однако», *причинные* - *čönki* (*čön*) «так как, ибо, потому что», *условные* - *ägär* (*ğär*) «если», *уступительные* - *ägärčä* (*ğärčä*) «хотя, хотя и», *изъяснительные* - *ki* «что, чтобы» (älem häm aĵayım baıly (104) «руки и ноги связаны мои», kilde şul säyät ki, xäleme aıyb (117) «пришел тот час, когда я понял свое состояние»).

Арабские союзы выражают *соединительные* - *wä* «и» и *fa* «и», *противительные* - *wä läkin* «но однако» и *bäs* «однако», *исключения* - *illä* «хотя,

но», условные – *wä illä* «иначе, а если нет», *изъяснительные* и *уточнительные* – *jäyni* «то есть» (*bäs qory däwwalara aldanmaңыз (117)* «однако, не доверяйте доводам пустым», *bui canandan äsar kilde bāṇa, jäyni ul ildän xəbär kilde bāṇa (82)* «любимой почувствовал я дыхание, то есть из той страны пришла ко мне весть») и др. семантические отношения.

Частицы в произведениях Ш.Заки по семантике можно отнести к следующим разрядам: *ограничительно-выделительные* – *isä* «лишь только, как только, же», *отрицательные* – *dügel (dägel)* «не», *nä* «не», *вопросительные* – *-tu / -te* «ли», *экспрессивно-эмоциональные* – *äle* «-ка» (*aғызма nä kilde isä jazdym tämam (126)* «написал все, что пришло на ум», *eñ äle xikmät šärabem (A. 418)* «выпей-ка вино мудрости»).

Модальные слова выражают значения предположения – *bälki* «может, может быть, возможно» и *ikän* «оказывается, будто, должен», необходимости – *kiräk* «нужно, необходимо, надо», наличие чего-либо – *bar (war)* «есть, имеется», отсутствия чего-либо – *juq* «нет, не имеется» (*bu ikeneñ arasynda, bälki, budyr bādrake (111)* «из этих двоих этот, возможно, хуже», *küz jäšen aғызmaq kiräkder (85)* «необходимо лить слезы»).

Междометия по семантике относятся к следующим группам: эмоциональные (*i, ah, häj, wah, däriṇa*) и императивные (*i, äj, ja, čü*). Арабская частица обращения *ja* употребляется лишь при религиозных обращениях, тогда как персидские обращения подобного же характера вводятся при помощи тюрко-татарского междометия *i* (*nä xuš säüdä wirebsän, ja rab (90)* «какую хорошую торговлю ты мне дал, о, всевышний, *xacätem sändin delärmen, i xoda (134)* «о, боже, хочу обратиться к тебе со своей нуждой»).

В заключении подводятся общие выводы диссертационной работы.

1. Язык произведений Ш.Заки основывается на письменных традициях литературного языка, который подвергся сильному влиянию старокнижных литературных традиций и является их продолжением. В нем прослеживается параллельное употребление кипчакских и огузских элементов, при сохранении письменных традиций классического тюрки. Язык произведений суфийского

поэта состоит из базисной системы традиционно огузо-кипчакской и арабо-персидской слоев. Подобная смешанность была канонической традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

2. Для выражения содержания отдельных категорий, вместе с тюрко-татарскими грамматическими средствами, Ш.Заки активно использует языковые средства, характерные для арабского и персидского литературных языков, большая часть которых представлена масдарами и причастиями, употребляющимися в функции имен существительных и прилагательных; имеются также местоимения, числительные, наречия и служебные части речи. Арабо-персидские грамматические элементы употребляются, в основном, в стилистических целях, что позволяет автору избежать многочисленных повторений одной и той же формы.

3. Выявлено, что иноязычные элементы встречаются, прежде всего, в оформлении именных частей речи, а также в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтаксическим функциям близки к именам (причастие и имя действия). Кроме того, в текстах Ш.Заки они используются не только в значениях и функциях, которые характерны для арабского или персидского языков, но переходят также в другие части речи, т.е. наблюдается явление конверсии (употребление масдаров и причастий в функции наречия, переход глагола в разряд служебных частей речи).

4. Установлено, что арабо-персидские грамматические элементы активно употребляются в составе религиозных выражений арабского и персидского происхождения, фразеологизмах, характерных для языка суфиев. Они подчиняются законам татарского языка, по схеме и по правилам которых средствами арабского и персидского языков передаётся значение отдельных категорий (значение множественности).

5. Арабо-персидские грамматические формы могут присоединять словообразующие средства татарского языка, имеющего агглютинативный характер, т.е. иноязычные элементы подчиняются законам и нормам татарского языка.

6. Для поэтических произведений Ш.Заки характерны языковая

неоднородность и смешанность, чему способствовали, в основном, действовавшие письменно-литературные традиции и жанровая специфика поэзии, благодаря которой разнородные языковые факты в системе языка данного автора становятся либо выразительными средствами, либо своеобразным «строительным» материалом для метрики и рифмовки.

7. Произведения поэта-суфия Ш.Заки написаны на классическом литературном языке, являющемся одним из вариантов старотатарского языка, с активным употреблением арабо-персидских грамматических элементов и традиционных общетюркских форм. В своих произведениях автор осознанно использовал арабо-персидские грамматические средства, чтобы показать характерные особенности языка суфийской литературы. Данный вариант татарского литературного языка XIX века, который был искусственным и перестал существовать с исчезновением суфизма как общественного явления, опирался, прежде всего, на тюрко-татарские письменные традиции, а также на арабский и персидский языки, и суфийскую литературу.

Список основных публикаций по теме диссертационного исследования:

1) Юсупов А.Ф. Шәмсетдин Зәки икатын лыйрһиньнеһ торышы ҙһм бу ллкһдһ алда торган бурычлар турында (Состояние изученности творчества Шамсетдина Заки и предстоящие задачи) / А.Ф.Юсупов // Казан дһһлһт университеты татар филологиясе ҙһм тарихы факультеты укытучыларының фһһни язмалары (2002). — Казан: РПК «Гарт», 2002. — Б. 330-338.

2) Юсупов А.Ф. Шәмсетдин Зәки шигырьлһренеһ кайбер тел-стиль һзенчһлеклһре (Лингвистические особенности произведений Шамсетдина Заки) / А.Ф.Юсупов // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона (Материалы VI региональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов). — Казань: Gumanitarya, 2003. — С. 253-256.

3) Юсупов А.Ф. Выражение значения множественности в языке поэтических произведений XIX века (на примере творчества Ш.Заки) /

А.Ф.Юсупов // Фһнни язмалар – 2003. — Казан: РИЦ «Школа», 2004. — С.334-340.

4) Юсупов А.Ф. Ш.Зһки шигырһрһрендһ килеш категориясенһ бирелеше (Категории падежа языка произведений Ш.Заки) / А.Ф.Юсупов // Сборник докладов молодежной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки в 21 веке», посвященной 200-летию Казанского государственного университета. — Зеленодольск, 2004. — С. 97-99.

5) Юсупов А.Ф. Суфый шагыйрьһрнеһ тел ьзенчһлеклһрен лйрһннь тһкрибһсеннһн (Из опыта изучения языковых особенностей произведений суфийских поэтов) / А.Ф.Юсупов // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона (Материалы VII региональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов). — Казань: Gumanitarya, 2004. — С. 118-122.

6) Юсупов А.Ф. Ш.Зһки һсһрлһрендһ тартым категориясенһ бирелеше (Выражение категории принадлежности в произведениях Ш.Заки) / А.Ф.Юсупов // Фһн цһм тел. — 2004. — № 2. — Б. 14-20.